

*Посвящается Джейсону и Кэт,
моим лучшим спутникам в путешествиях*

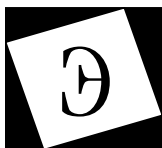
Часть первая
ДОРОГА

Когда нас терзают боль и жар,
Мы мечемся в постели, ворочаемся
с боку на бок;
Но это не приносит облегчения —
Как ни ложись, боль остается.

Исаак Уоттс

Пролог

Запад Монтаны, 1991 год

Элис Бодин присела на корточки за пушистыми сосенками. Ей пришлось идти до них, проваливаясь в снег по колено. Голая попа (с татуировкой-стрекозой, сделанной в Портленде) мерзла под порывами ледяного ветра.

Зачем ей вообще нужно было прятаться? Элис и сама не понимала, ведь она прошла целых три мили по дороге и ей не попалось ни одной машины.

Видно, привычка такая, решила она, снова натягивая джинсы. Трудно избавиться от нее.

Господь свидетель, она ведь пыталась. Пыталась пренебрегать правилами и разрушать стереотипы, избавляться от провинциальных обычаев и надоевшей рутины. И вот теперь — через три года после самопровозглашенной эмансипации, отказа от всего будничного, скучного — она тащилась домой с замерзшей задницей.

Элис поправила на плечах рюкзачок и, высоко поднимая ноги, чтобы попасть в свои следы, вернулась на жалкое подобие дороги. В рюкзачке лежали все ее пожитки — вторая пара джинсов, майка «AC/DC», свитшот «Grateful Dead», позаимствованный в Лос-Анджелесе у какого-то давно забытого парня еще в тот первый раз, мыло и шампунь, которые она стырила,

когда в Ригби, что в штате Айдахо, убирала номера (к счастью, недолго) в «Холидей инн», презервативы, набор косметики, пятнадцать долларов и тридцать восемь центов, а также остатки пятидолларовой порции очень приличной травки. Ее она прихватила у парня, с которым тусовалась в кемпинге в Орегоне.

Она решила свалить домой, устав от вечного безденежья, и еще ей надоело замывать сперму на простынях. За эти три года ей пришлось побывать во многих городках, и не раз она замечала там на теневой стороне улиц женщин с потухшим взглядом — они ловили клиентов. Постепенно Элис начала понимать, что и сама легко может оказаться среди них.

Ей пришлось признаться себе: она уже на грани. Наголодалась, намерзлась, натерпелась страха, и мысль о торговле своим телом — ведь это просто секс, в конце-то концов, за еду и сносную комнату — уже не казалась постыдной.

Но правда была в том — а иногда Элис смотрела правде в глаза, — что существовали правила, которые она не могла нарушить. Правда была в том, что ей хотелось домой. К матери, сестре, к деду с бабушкой. В свою спальню с постерами на розовых стенах и с видом на горы. Хотелось наслаждаться запахом кофе и бекона по утрам, хотелось снова почувствовать под собой спину лошади, скачущей галопом.

Сестра вышла замуж — и разве не ее тупая, абсолютно *традиционная* свадьба заставила Элис решить-ся на возвращение? У Рин, пожалуй, уже есть ребенок, наверняка есть, и она такая же безупречная, как всегда, черт побери.

Но Элис тосковала даже по Морин с ее скучной безупречностью.

Вспоминая о семье, она прошла еще милю. Поношенная флисовая куртка, купленная в «Гудвилле»,

почти не защищала от холода, а в башмаки, которые Элис носила лет десять, попадали комки снега, сползавшие с ее худых плеч.

Может, следовало позвонить домой из Миссулы, подумала она. Засунуть куда подальше свою гордость и позвонить. Дед приехал бы за ней — он никогда не ворчит. Но она все время представляла, как подойдет по дороге к ранчо — может, даже с важным видом.

Как все остолбенеют и офигеют. Работники, лошади, даже скот на полях. Старый пес Блю радостно примчится к ней. Мать встанет на пороге.

Картина маслом. Возвращение блудной дочери.

Элис вздохнула, и холодный ветер тут же подхватил и унес прочь теплое облачко ее дыхания.

Надо было, да, все-таки надо было позвонить, но она поймала в Миссуле попутку и решила, что это хороший знак. Ее подвезли, и до дома осталось двенадцать миль.

Она может не успеть до темноты, и это ее тревожило. В рюкзаке лежал фонарик, но батарейки почти сели. У Элис была зажигалка, однако перспектива заночевать без палатки и одеяла, без еды и воды (последние капли она выпила в двух милях отсюда) гнала ее вперед.

Она пыталась вообразить, что они ей скажут. Конечно, все обрадуются ее приходу — а как же иначе. Может, они злятся, что она сбежала тогда, оставив лишь дурацкую записку. Но тогда ей было восемнадцать, она была достаточно взрослая и могла поступать так, как хотела, — а ей не был нужен ни колледж, ни оковы замужества, ни занудная работа на ранчо.

Элис нужна была свобода, и она получила ее.

Теперь ей двадцать один год, и она *решила* вернуться домой.

Пожалуй, она не прочь поработать на ранчо. Может, даже подумает об учебе в колледже.

Она уже взрослая женщина.

Зубы замерзшей взрослой женщины выбивали дробь, но она шла и шла вперед. Она надеялась, что увидит деда с бабкой, и испытывала чувство огромной вины, поскольку не представляла, живы ли они еще.

Конечно, живы, уверяла себя Элис. Ведь прошло всего три года. Бабушка не станет сердиться, ну или станет, но недолго. Может, немного поругает. Мол, погляди, кожа да кости! Господи, что ты сделала со своими волосами?

Развеселившись при мысли об этом, Элис еще ниже натянула лыжную шапочку на короткие волосы, которые она сильно осветлила. Ей *нравилось* быть блондинкой, нравилось, что этот более гламурный цвет делал ее глаза еще зеленее.

Она предвкушала радость оказаться в объятиях деда, сесть за праздничный стол — скоро ведь День благодарения — и рассказать о пережитых приключениях всему своему до тошноты правильному семейству.

Она видела Тихий океан, прошла по улице Родео-драйв в Беверли-Хиллз будто кинозвезда, дважды снималась в настоящих фильмах. Получить реальную роль в реальном фильме оказалось гораздо труднее, чем она рассчитывала, но она *пыталась*.

Она доказала себе, что способна прожить самостоятельно. Она могла делать разные вещи, видеть, думать и чувствовать. И сможет снова это делать, если дома ее плохо примут.

Элис в досаде заморгала и смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы. Она не станет умолять. Не станет умолять, чтобы ее пустили домой, приняли как родную.

Господи, ей просто хотелось побыть дома.

Опускавшееся за горизонт солнце показывало, что она не дойдет домой до темноты, а в воздухе уже пахло свежим снегом. Может быть — может быть, если она срежет дорогу и пройдет прямо через лес и поля, то доберется до дома Скиннера.

Элис остановилась, уставшая и растерянная. Безопаснее было остаться на дороге, но через поля она срезала бы добрую милю, а то и больше. К тому же там была пара домиков, насколько она помнила, для туристов. Она могла зайти туда, разжечь огонь, там, вероятно, даже нашлись бы консервы.

Она смотрела на бесконечную дорогу, потом на заснеженные поля. Белые вершины гор, устремленные к небу, уже стали синевато-серыми из-за наступавших сумерек и подступавшего снегопада.

Потом Элис будет вспоминать свою нерешительность, те несколько минут колебаний, когда она стояла на обжигающем ветру. Несколько минут, перед тем как уйти в поля, в горы, спрятаться в длинной тени сосен подальше от дороги.

Это был первый звук, который Элис услышала за два с лишним часа — кроме собственного дыхания, собственных шагов и шума ветра в ветвях деревьев, — и не сразу распознала.

А когда поняла, то снова выбралась через сугробы на дорогу, и ее сердце радостно подпрыгнуло — к ней приближался издававший виды пикап.

Она шагнула вперед, но не стала выставлять вверх большой палец, как делала множество раз в своих скитаниях, а просто отчаянно замахала руками.

Может, ее не было три года, но она тут родилась и росла. Она дочь Запада. Никто не проедет мимо женщины, которая просит помощи на пустынной дороге.

Пикап затормозил, и Элис подумала, что никогда не видела ничего красивее этого ржавого синего

форда с подставкой для ружья, брезентовой койкой и стикером «ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ» на ветровом стекле.

Когда водитель наклонился и опустил стекло, она чуть не прослезилась.

— Похоже, тебе требуется помощь.

— Я бы не отказалась немного подъехать. — Она быстро улыбнулась ему и смерила оценивающим взглядом. Ей нужно было ехать, но она не дурочка.

На водителе был овечий полушубок, не очень новый, а на коротких темных волосах коричневая шляпа.

Симпатичный, подумала Элис (это всегда ей помогало). Старше ее — ему где-то сорок. Его глаза, тоже темные, смотрели довольно дружелюбно.

Она услышала ровные ритмы музыки в стиле кантри.

— Ты далеко собралась? — спросил он, растягивая слова, как говорят в западной Монтане, и это тоже звучало как музыка.

— До ранчо Бодинов. Это всего...

— Да знаю я это место. Как раз мимо еду. Забирайся в кабину.

— Вот спасибо. Спасибо. Я невероятно благодарна. — Она скинула рюкзачок и втащила его за собой, когда вскарабкалась в кабину.

— У тебя тачка сломалась? Но я не видел ничего на дороге.

— Нет. — Она поставила рюкзак в ногах и почти онемела от облегчения и тепла, исходившего от печки. — Я еду из Миссулы, меня подвезли, но в шести милях отсюда свернули в сторону.

— И ты шла шесть миль?

Элис блаженно закрыла глаза, когда стали оттаивать ледышки, в которые превратились ее пальцы на ногах.

— Твоя машина первая за два часа. Не думала, что придется идти пешком, и очень рада, что ты меня подвезешь.

— Долгая дорога для такой малышки, как ты. Уже темнеет.

— Я знаю. Мне повезло, что ты проезжал мимо.

— Тебе повезло, — повторил он.

Она не видела его кулака. Это произошло слишком быстро и совершенно неожиданно. Ее лицо, казалось, взорвалось от удара. Глаза закатились, она потеряла сознание.

Второго удара она не почувствовала.

Радуясь возможности, которая сама упала ему в руки, он торопливо вытащил бесчувственное тело из кабины и положил в кузов под брезент.

Он связал ей руки, ноги, заткнул рот кляпом. Потом набросил на нее старое одеяло.

Он не хотел, чтобы она замерзла до смерти по дороге до дома.

Ехать им было еще далеко.